

Археологія. Етнологія

УДК 902.001:8:9'1.375"652(092)

А. Г. Кузьмищев

Э. Р. ФОН ШТЕРН – ПЕРВЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АНТИЧНОЙ ТИРЫ

В статье анализируются результаты археологических исследований античной Тире (1900, 1903, 1912), проведенные известным ученым-антиковедом конца XIX - начала XX в. Э. Р. фон Штерном (1859-1924 г). Раскопки Э.Р.Штерна в Тире, несмотря на их небольшой объем, дали важные научные результаты. Это были самые первые археологические исследования этого памятника. Благодаря раскопкам Э.Р.Штерн смог в общих чертах определить топографию Тире-Аккермана и ее античного некрополя, открыл многослойность этого памятника и установил его стратиграфию, получил большое количество разнообразных находок. Подводя итоги своих исследований Тире Э.Р.Штерн пришел к выводу, что Тира была организованным греческим полисом, в который, помимо города, входила еще и большая хора.

Ключевые слова: археологическое исследование, античная Тира, Э.Р. фон Штерн, греческий полис.

В последнее время специальное предметное изучение истории археологических исследований приобретает в нашей науке (в том числе и в антиковедении) все более широкое распространение. Создаются фундаментальные аналитические работы как по истории археологии в целом [см. например: 1, 2], так и по истории изучения отдельных археологических памятников, регионов, культур или периодов [см. например: 3, 4, 5], а также по истории развития археологии в конкретных городах или научных центрах, музеях, университетах [6, 7, 8, 9, 10, 11]. В этом отношении следует сказать, что еще далеко не все подобные темы подняты и раскрыты, не все памятники и археологические центры имеют свою написанную и опубликованную историю исследования, а имена целого ряда ученых-археологов, в силу различных обстоятельств, остаются либо полузабытыми, либо же их вклад в развитие отечественной науки раскрыт еще недостаточно полно и объективно.

Рис. 1. Профессор
Новороссийского университета,
археолог
Э. Р. фон Штерн.
Портрет кисти К. Костанди

К числу таких исследователей относится и выдающийся отечественный ученый-антиковед Э.Р.фон Штерн (1859-1924) (рис. 1). Он был выходцем из Лифляндской губернии, которая принадлежала в те времена к Российской империи. На стипендию российского правительства Э.Р.Штерн закончил Русский семинар по классической филологии при Лейпцигском университете, а затем в 1880-1883 гг. защитил две диссертации (магистерскую и докторскую) в Дерптском университете. В конце 1884 г. Э.Р.Штерн был приглашен для преподавания классической филологии в Новороссийский университет. Именно в этом городе начался чрезвычайно плодотворный период его разносторонней научной деятельности, которая продолжалась более 25 лет. Из-под пера Э.Р.Штерна, только за время его преподавательской работы в университете, вышло более чем 200 научных трудов. Кроме активной педагогической, научно-аналитической и научно-организационной деятельности Э. Р. фон Штерн, много времени отдавал музейному делу, будучи одним из зачинателей и инициаторов его развития в Украине. Как известно, достаточно продолжительное время (1896-1911 гг.) он был главным хранителем музея Одесского общества истории и древностей, внесший значительный вклад в успешную организацию его работы и формирование его коллекций.

Как археолог, широкой научной общественности он более всего известен раскопками древнегреческого поселения на о. Березань. Специалисты по энеолиту ценят его как одного из видных ученых, стоявших у истоков исследования трипольских древностей, а именно, как первооткрывателя знаменитого

поселения Петрены в тогдашней Бессарабии. В то же время научный спектр исследований Э.Р.Штерна был гораздо шире и не ограничивался только этими двумя памятниками. Так, именно Э.Р.Штерн был тем исследователем, которому по праву принадлежит приоритет в начале проведения археологических раскопок в г. Белгород-Днестровском и честь научно обоснованной локализации здесь античной Тире. До Э.Р.Штерна раскопки этого античного города носили случайный, любительский, зачастую кладоискательский характер. Лишь Э.Р.Штерном археологическое изучение Тире было поставлено на строго научный уровень.

Раскопки этого многослойного памятника проводились Э. Р. Штерном в 1900, 1903 и 1912 гг. [12, с. 33-61; 13, с. 87-90; 14, с. 92-101; 15, с. 27; 16, с. 21]. Важными источниками по изучению проведенных им работ являются отчеты Э.Р.Штерна, опубликованные в Записках Одесского общества истории и древностей [12, с. 33-61; 13, с. 87-90; 14, с. 92-101], а также отчет о его раскопках в 1912 году, написанный его учеником М.Ф.Болтенко, [17, с. 85] и хранящийся в Научном архиве Одесского археологического музея (НА ОАМ, инв. № 59258).

О роли Э.Р.Штерна в исследовании Тире писало немало исследователей, в основном, в рамках своих работ посвященных Тире и античным памятникам Северо-Западного Причерноморья в целом. Однако оценки, которые давались там работам Э.Р.Штерна часто носили слишком краткий, а иногда - противоречивый и не всегда достаточно объективный характер.

Так, например, Л.Д.Дмитров в своем очерке о Тире вообще не указывает имя Э.Р.Штерна, упоминая лишь, что долгое время вопрос о местонахождении античной Тире не был выяснен, но в ходе археологических раскопок было окончательно установлено, что она находилась в черте г. Белгород-Днестровского [18, с. 270].

А.И.Фурманская подчеркивала, что именно Э.Р.Штерну принадлежит пальма первенства в археологическом исследовании античной Тире [19, с. 40]. Позже, в ее совместной статье с В.В.Лапиным, было отмечено, что: «Э.Р.Штерном были проведены небольшие раскопки, которые обнаружили мощный слой античного времени» [20, с. 312].

В.М.Пругло в соответствующем разделе античного тома серии «Археология СССР» подчеркивала, что: «Вопрос местонахождения Тире получил окончательное решение после раскопок Э.Р.Штерна» [15, с. 26].

Кратко о работах Э.Р.Штерна и его хронологической датировке античной Тире упоминала Н.А.Сон. Она, в частности, писала, что: «Время основания Тире Э.Р.Штерн, А.И.Зограф, Л.Д.Дмитров, В.Д.Блаватский относили к началу V в. до н.э.» [21, с. 330]. В монографии посвященной Тире римского времени, Н.А.Сон, на наш взгляд, несколько резко отозвалась о том, что материалы раскопок были опубликованы Э.Р.Штерном «очень обобщенно, кратко и поверхностно» [22, с. 6].

Позднее в совместной монографии Н.А.Сон и В.М.Зубаря, посвященной Северо-Западному Причерноморью в античную эпоху, уже указывается, что Э.Р.Штерн, наряду с другими исследователями, внес весомый вклад в археологическое исследование Северо-Западного Причерноморья, а также в «осмысление и изучение различных аспектов истории и культуры» античных памятников этого региона [23, с. 5].

В то же время в известном обобщающем труде «Античні держави Північного Причорномор'я» об исследователях, которые внесли наибольший вклад в исследование Тире, в т. ч. о Э.Р.Штерне – было сказано даже не кратко, а слишком кратко, чтобы не сказать скупо [24, с. 2], а в античном разделе «Давньої історії України» места для имени Э.Р.Штерна не нашлось вообще [25, с. 157-161].

Впервые в историографии достаточно широко и объективно научная оценка исследований Э.Р.Штерна в Тире была дана П.О.Карышковским и И.Б.Клейманом в их совместной монографии «Древний город Тира», в главе посвященной начальному периоду раскопок этого уникального памятника [16, с. 21-25; 26]. Они отметили, что именно Э.Р.Штерном: 1) намечена научно обоснованная стратиграфия Тире-Аккермана; 2) пересмотрена античная письменная традиция о Тире и доказана ее локализация; 3) сделан вывод о том, что Тира была организованным греческим полисом; 4) сформулировано предположение о существовании у Тире своей сельскохозяйственной округи. [16, с. 23]. Позже И.Б.Клейман посвятил специальную статью раскопкам в Аккермане (Тире) в 1912 году ученика Э.Р.Штерна - М.Ф.Болтенко, которые проводились под руководством его многоопытного учителя [17, с. 85-87].

В отличие от работы П.О.Карышковского и И.Б.Клеймана, в монографии Т.А.Самойловой «Тира в VI-I вв. до н.э.» роль Э.Р.Штерна в истории археологического изучения памятника показана не была [27, с. 4-7]. Кратко его имя было упомянуто Т.Л.Самойловой в посвященной Тире работе, вышедшей в известной серии «Страницы истории Южной Украины» [28, с. 5].

И лишь позже, в своей статье непосредственно посвященной истории изучения античной Тире исследовательница дала подробную характеристику археологической деятельности Э.Р.Штерна по изучению этого памятника [29, с. 17-18]. Здесь Т.И.Самойлова отметила, что пионером первого археологического изучения Тире является именно Э.Р.Штерн [29, с. 17]. В последней работе посвященной проблемам исследования античной Тире Т.А.Самойлова также отметила, что начало археологического изучения этого памятника было положено Э.Р.Штерном, которому принадлежит научное обоснование ее локализации на территории Аккерманской крепости и рядом с нею [30, с. 162-163].

Как важную заслугу Э.Р.Штерна неоднократно отмечал исследование античных и средневековых напластований древней Тире в ряде своих работ и В.П.Ванчугов [31, с. 25; 32, с. 9-10].

Однако, несмотря на вышеперечисленные публикации, специальная научная работа, предметно посвященная анализу исследований проведенных Э.Р.Штерном в Тире в историографии до сих пор отсутствует¹. Данное обстоятельство и определило необходимость написания нашей статьи.

Впервые Э.Р.Штерн обратил внимание на античные древности Нижнего Поднепровья еще в 1895 году. Тогда, вблизи Аккермана, возле прибрежной дороги в с. Шабо, в курганной насыпи был обнаружен склеп. Необходимо было исследовать склеп как можно быстрее, поскольку эта земля находилась в частном владении, и его хозяин собирался устроить на этом участке каменоломню [34, с. 13].

После тщательного обследования склепа, Э.Р.Штерн и А.А.Кочубинский на 290-ом заседании Одесского Общества представили подробное описание этого погребального сооружения с рисунками и фотографиями [34, с. 13-16].

Высота кургана составляла 5,5 м. Склеп включал в себя горизонтальный дромос и погребальную камеру с двумя вырубленными в скальном грунте могилами, к моменту исследования – ограбленными. Стены сооружения были сложены из тщательно отесанных известняковых блоков, свод имел полуцилиндрическую форму [34, с. 13-16; 29, с. 16].

Стены склепа была покрыты известковой штукатуркой, по которой острым инструментом был нанесен грубый орнамент, больше всего напоминающий, по описанию Э.Р.Штерна, «подражание узору древесины» [34, с. 14].

Непосредственно археологическое изучение Тире берет свое начало с 1900 года, когда Одесское общество истории и древностей решило провести первые «пробные раскопки» с целью получения доказательств того, что местоположение античной Тире находилось в районе территории Аккерманской крепости [29, с. 17].

В мае 1900 года П.А.Маврогордато - казначей Одесского общества истории и древностей и действительный член того же общества а также негодант и коллекционер из г. Николаева, член Одесского общества А.Ф.Фогель² решили провести на собственные средства раскопки в районе крепости Аккерман, с тем условием, что все находки будут переданы в Одесское общество истории и древностей [12, с. 33; 29, с. 17]. П.А.Маврогордато попросил руководить процессом раскопок Э.Р.Штерна, который смог приступить к исследованиям в сентябре.

В качестве рабочей силы при земляных работах были использованы рабочие взятые на бирже труда, один «опытный копатель» из с. Парутино и десять арестантов. Причем они, по мнению Э.Р.Штерна: «не только усердно копали, но два-три из них так наловчились, что им возможно было поручать и более сложную задачу расчистки открываемых ям и могил» [12, с. 33-34].

Раскопки продолжались с 7-го по 18 сентября, лично Э.Р.Штерн смог присутствовать на них с 8 по 10 и с 14 по 17 сентября.

Исследования проводились наиболее распространенным в те времена траншейным методом. Всего Э.Р.Штерн заложил семь шурфов и траншей, на территории первого и второго дворов аккерманской крепости (Рис. 2, №1-7), а также один на прикрепостном гласисе к востоку от главных ворот крепости (Рис. 2, № 8).

В верхних слоях при раскопках были обнаружены и раскрыты две мусорные ямы, относившиеся к XV-XVI вв. [12, с. 34-35]. Ниже, в траншее (Рис. 2, № 1) шел материал позднесредневекового времени, встречалось много костей и был найден один человеческий череп [12, с. 36].

При раскрытии данной траншеи в западной части ближайшего к крепости двора (двор №2) открыли яму, в заполнении которой находился материал средневекового времени. Он включал в себя - верхнюю часть от ножен тонкого стилета, каменное ядро, стеклянную пробку в виде кисти винограда, бронзовый наперсток и т.д. Здесь были обнаружены также предметы, относившиеся и к античной эпохе, в т.ч: два глиняных светильника, монета Домициана (81-96), монета (с надчеканкой) Антонина Пия (138-161), и т.д.

При расчистке ямы выяснилось, что она с трех сторон была обложена истлевшими дубовыми брусками. В ее придонной части встречалось много золы и костей, фрагментов керамики, кусков бронзы. Общая глубина ямы до материкового грунта составила 7 ½ аршина (5,33 м) [12, с. 37].

Поскольку материал был хронологически перемешан, Э.Р.Штерн пришел к выводу, что «насыпь во дворе крепости при возведении новых построек неоднократно перекапывалась и яма была засыпана одновременно взятой из насыпи землей» [12, с. 38].

При проведении раскопок (Рис. 2, шурф № 3) в более дальней от крепости части двора (условно двор №1) был встречен материал позднесредневекового времени, в том числе - фрагменты крупного глиняного сосуда с рельефным изображением по внешней стороне и покрытого глазурью по внутренней [12, с. 38]. На дне ямы находились массивные каменные плиты, под которыми шел слой из песка с включениями золы и костей, где изредка встречались фрагменты обгоревшей красноглиняной посуды. Э.Р.Штерн предположил что каменные плиты могли представлять собой место для жертвоприношений, о чем, по его мнению, свидетельствовали и обгоревшие фрагменты керамики [12, с. 39].

К северо-востоку от описанного участка была раскрыта еще одна яма. Вещественный материал из нее относился к средневековому и раннемодерному времени - фрагменты глиняных трубок, цветной стеклянной посуды, поливная керамика, бронзовый перстень, осколки фарфоровых чаш и т.д. Из античной керамики встретилось только два фрагмента чернолаковой аттической посуды. Весь материал, как и в предыдущей

¹ Небольшая публикация И.Б.Клеймана о первых исследователях Тире – Э.Р.Штерне и П.Никореску носила научно-популярный характер [см: 33].

² О А. Фогеле см: [34].

яме, был хронологически перемешан и фрагменты от одного сосуда зачастую находились на различной глубине, например чернолаковые фрагменты располагались выше глиняных трубок [12, с. 39-41].

Это обстоятельство – замечал в связи с этим Э.Р.Штерн – «доказывает, что о хронологической последовательности культурных наслоений здесь речи нет, а, напротив, земля неоднократно перебрасывалась и перекапывалась... с этим надо считаться и при дальнейших раскопках, так как это заставляет быть весьма осторожным при всех археологических и хронологических выводах» [12, с. 41].

В следующем раскопе (Рис. 2, №5) слева за входом во двор №2 были встречены, среди прочего материала, фрагменты чернолаковой античной посуды. Они принадлежали разным сосудам. Следует особо отметить, что в этом месте античная чернофигурная керамика впервые была обнаружена не в единичном, а уже в относительно большом количестве [12, с. 41].

Подобные находки были и в заложеном недалеко от крепостной стены (в сторону Днестровского лимана) раскопе № 6. Среди материала Э.Р.Штерн нашел здесь фрагменты ручек античных амфор, горло бальзамария и фрагмент краснолаковой тарелки (*terra sigillata*) с граффито «...ΔΑΜΟΥ» [12, с. 41].

Следующий раскоп был заложен Э.Р.Штерном в середине этого двора (№ 7). В верхних слоях шел средневековый материал, а ниже, с глубины $\frac{1}{2}$ сажени (1,06 м) был прослежен мощный слой камней и щебенки, в котором было встречено несколько фрагментов чернолаковой керамики. Глубже прослеживалась яма. В ее заполнении находилось много костей а также костяное веретено, четыре круглых костяных пластины с отверстием по центру, две медные монеты, но при этом и часть изразца зеленого цвета с рельефным изображением птицы и большое количество фрагментов поливной керамики [12, с. 42]. Яма не была раскрыта до уровня материка, поскольку упиралась в стену и была прослежена до глубины 2 сажени (4,2 м).

Анализируя итоги раскопочных работ в обоих дворах крепости Э.Р.Штерн пришел к следующим выводам:

1. Вся площадь крепости была покрыта глубокой насыпью, которая, очевидно, появилась в XV в, поскольку даже на глубине 3 сажени (6 м) еще фиксировались находки турецкого времени. Э.Р.Штерн предположил, что насыпь образовалась в результате сноса турецких зданий в обоих дворах крепости.

2. Характер материала обнаруженного в 1-м и 2-х дворах оказался различным. Цветное венецианское стекло, китайский фарфор и бронза встречались только в первом дворе. Во втором же преобладали сосуды турецкого времени, фрагменты поливной керамики, которые в первом дворе находились только в яме № 4. Такое различие в материале, по мнению Э.Р.Штерна, вполне могло быть как случайным так и закономерным, и подтвердить либо опровергнуть его могли только дальнейшие раскопки.

3. Немногочисленные фрагменты керамики античного времени были рассеяны по всей площади раскопок, но в наибольшем количестве они были обнаружены только в северо-западной части крепости. Присутствие античной керамики и в верхних слоях культурных напластований памятника объяснялось тем, что грунт на территории крепости неоднократно перемещался.

4. Э.Р.Штерн сознавал, что «дойти до фундаментов и остатков акрополя греко-римских времен... является весьма трудной и сложной задачей... Если вообще еще сохранились в недрах земли кое-какие остатки... то они спрятаны на большой глубине; и если не поможет счастливая случайность, то не предвидится возможности их открыть. Снести систематически всю глубокую насыпь на большой, занимаемой крепостью территории является невыполнимым с точки зрения материальной стоимости, - но оно невыполнимо и потому, что надо считаться с необходимостью сохранения.... средневековых башен и стен» [12, с. 44].

5. При этом, раскопки, по мнению Э.Р.Штерна, все же нельзя было признать безрезультатными, поскольку, кроме античного материала, найденные при разведочных исследованиях находки, охватывающие в основном XIV-XVII в. (фрагменты глиняных и фаянсовых сосудов, обломки фарфоровых и стеклянных чаш этого времени и т.д.) тоже представляли определенный научный интерес.

Кроме раскопок во дворе крепости Э.Р.Штерном проводились также небольшие исследования на гласисе крепости, справа от главных ворот (Рис. 2, № 8). Причиной к проведению тут раскопок послужило то, что весной 1900 года было решено для устройства пристани и расширения ведущей к ней дороги снести ближайшую к лиману часть гласиса и добыть необходимые для строительства камни. При сносе гласиса рабочими были найдены три целые амфоры, обломки посуды, античные светильники и фрагмент мраморной плиты с древнегреческой надписью I-II вв. н.э. [12, с. 44-45].

Сразу после того как об этом стало известно Э.Р.Штерну, он вместе с А.И.Маркевичем приехал в Аккерман и убедился в том, что раскапываемая часть гласиса представляет собой насыпь, насыщенную материалом. В ней, среди прочего, находились фрагменты ручек и стенок античных амфор и античные светильники. В ходе работ землекопы пытались разрушить несколько больших отесанных плит, поставленных орфостатно друг против друга на расстоянии немногим больше $\frac{1}{2}$ сажени (1,06 м). Как писал Э.Р.Штерн: «две-три из меньших плит рабочие до нашего приезда уже успели извлечь и разбить – с большими они, к счастью, не могли так легко справиться и нам удалось остановить дальнейшее разорение этого сооружения» [12, с. 45].

Э.Р.Штерн предположил, что открытые строительные остатки могли представлять собой или защищенный древний ход к лиману или же погребальные склепы. Для решения этого вопроса здесь необходимо было провести дальнейшие раскопки. В результате их проведения, как отмечал Э.Р.Штерн, было обнаружено античное погребение [12, с. 45].

В погребении находились два глиняных светильника, на щитке одного из которых размещалось рельефное изображение Эрота на лошади а на щитке другого – фигура богини Ники. Здесь были

обнаружены также сетчатый арибалл, у изголовья погребенного - остатки погребального золотого венка (сохранилось 3 листка), верхняя часть медной шпильки, с головкой обтянутой листовым золотом, фрагмент костяного гробня, костяная шпилька, золотая бляшка, фрагмент золотой бляшки с изображением Медузы Горгоны, фрагмент золотой цепочки, два фрагмента серег с львиными головками, двойная золотая бусина, одинарная золотая бусина, двойная черная бусина, медный спиралевидный браслет и сильно коррозированная медная монета. Костные останки были перемещены выше и ниже погребения. Э.Р.Штерн предположил, что изначально гробница представляла собой четыре орфостатно поставленные известняковые плиты, сверху перекрытые еще одной плитой, [12, с. 47] и по характеру находок датировал погребение III-II вв. до н.э. [12, с. 46]¹.

Э.Р.Штерн продолжил раскопки вглубь и в темном, золистом грунте, ниже описанного «погребения», была обнаружена костяная шпилька, каменный оселок с отверстием, затем множество фрагментов стенок и ручек амфор, кусочки меди, два бронзовых двухлопастных наконечника стрел и кости животных. Далее земля стала влажной, и Э.Р.Штерн предположил, что он дошел до материка, и что ниже первой могилы находилась, очевидно, другая, более древняя. [12, с. 47].

Всего, согласно Э.Р.Штерну, в ходе раскопок на гласисе было раскрыто 6 погребений. К сожалению, все они оказались ограбленными, и в силу ограниченности раскопок во времени не все из них удалось доследовать до конца.

После проведенных работ Э.Р.Штерн сделал важный вывод о наличии здесь некрополя древнегреческого периода существования Тиря и, соответственно, предположил, что эта территория лежала уже за чертой античного города. [12, с. 49; 16, с. 21; 29, с. 17].

Во время полевого сезона 1900 г. Э.Р.Штерн приобрел у местного торговца древностями фрагмент античной статуи, от которой сохранился торс длиной 56 см. Судя по всему, эта статуя изображала Афродиту и была обнаружена грабителями на гласисе крепости либо во время его разбора рабочими, либо уже во время раскопок Э.Р.Штерна. [12, с. 49].

После раскопок Аккермана в 1900 году, у Э.Р.Штерна не осталось никаких сомнений, что античная Тира располагалась именно на этом месте [12, с. 53, 61]. Основным доводом в пользу правильности этой гипотезы послужили именно проведенные археологические исследования, поскольку, как писал Э.Р.Штерн, обнаруженные находки: «с полной убедительностью показывают... что территорию Тираса вполне закрывает в настоящее время город Аккерман» [12, с. 61]. Также Э.Р.Штерн говорил о необходимости и важности продолжения дальнейшего исследования этого уникального памятника [12, с. 61]. Однако такая возможность представилась ему только через два года.

14-15 мая 1903 года в Аккерман направилась экскурсионная группа, состоявшая из членов Императорского Одесского общества Истории и Древностей. Целью поездки было осмотреть остатки крепости, выявить степень ее разрушения и определить меры для ее сохранения, а также – провести небольшие разведочные раскопки. Руководство последними было поручено Э.Р.Штерну [13, с. 87; 29, с. 17].

В этот раз ему удалось заложить три разведочных шурфа. Первый (Рис. 2, № 9) близко от минарета в первом дворе крепости, второй (№ 10) тоже в первом дворе недалеко от ворот ведущих к лиману, третий (№ 11) во втором дворе справа от крепости. Кроме того, Э.Р.Штерн разрешил (исключительно под своим присмотром) провести раскопки местным кладоискателем, которые утверждали, что знают «верное место» где зарыт клад, при условии, что все найденные ими предметы будут переданы в Одесское общество [13, с. 87].

Во время осмотра территории за гласисом крепости по направлению к лиману Э.Р.Штерн с сожалением констатировал, что из-за того что рабочие добывали здесь камень для нужд города: «ясно видны следы разрушенных многочисленных могил». Этот факт был зафиксирован на фотографии [13, с. 89].

Больших результатов эти краткосрочные разведочные раскопки не дали. В первом шурфе (№9), в переотложенном слое были обнаружены фрагменты посуды разного времени - турецкого, византийского и римского, обломки турецких глиняных трубок, изразцов с поливой, бронзовый разновес, несколько доньев от глазурованных чаш византийского периода [13, с. 89]. Во втором шурфе (№10) был зафиксирован толстый слой золы и под ним две красноглиняные чаши и два красноглиняных «флакона» позднеимперского времени. В третьем шурфе (№11) на глубине 7 футов (2,13 м) открыли остатки стены и тщательно выложенной вымостки из плит, а также перегнившие брусья и много ржавых предметов из железа (большие гвозди, скобы, петли и т.д.) [13, с. 89].

Что же касается «кладоискателей», то они «работая с лихорадочным рвением» обнаружили фрагменты крупной амфоры средневекового времени, которую удалось собрать почти целиком, но, естественно, никакого клада она не содержала. Вот как этот курьезный случай описал Э.Р.Штерн: «членам ея [экскурсии] наверное надолго останется в памяти как восторг кладоискателей при открытии этого сосуда, так и их разочарование, когда оказалось, что он не содержал клада, о котором они мечтали» [13, с. 89-90].

В целом, учитывая весьма краткий срок проведения раскопок (всего 2 дня), вполне очевидно, что на этот раз обнаружить непотревоженный античный слой Э.Р.Штерну не удалось [29, с. 17].

---

¹ По мнению Т.А.Самойловой, раскопанный объект не мог быть погребением, поскольку в нем были обнаружены вещи широкого хронологического диапазона, от эллинистического до римского времени - что исключало их одновременное присутствие в одной могиле [29, с. 17].

В 1906 году Э.Р.Штерн опубликовал уникальную находку – бронзовый фигурный сосуд (бальзамарий) II-III вв. н.э. в виде бюста человека негроидной расы¹. Исследователю удалось выяснить, что эта находка произошла из Тиры и была обнаружена рабочим, который нашел ее на гласисе Аккерманской крепости, там где располагался античный некрополь, и продал перекупщику «за две кварты вина» [36, с. 184; 32, с. 9-10]. Э.Р.Штерн сокрушался по поводу данного обстоятельства, отмечая: «Этот факт, что нашедшие драгоценность получили гроши, между тем, как бойкие посредники заработали свыше трехсот рублей, еще раз воочию доказывает, что действующие у нас законоположения и распоряжения об археологических находках нуждаются в коренном пересмотре. Если бы рабочие скоро, на месте, без разных формальностей, могли бы получить приличное вознаграждение за доставляемые ими археологические находки, они, конечно, не утаили бы этих находок, теперь же они предпочитают полицейской волоките хоть кварту вина, и в барыше одни барышники...» [36, с. 184].

В дальнейшем скудные средства Общества не позволяли продолжить начатые Э.Р.Штерном исследования Аккермана. И с 1904 года почти все внимание ученого переключается на исследование древнегреческого поселения на о. Березань. Только спустя 12 лет после первых раскопок Тиря, когда у Общества в 1912 году появилась возможность выделить для этого небольшие средства, [14, с. 92] Э.Р.Штерну удалось снова вернуться к раскопкам на территории Аккерманской крепости.

Поскольку о широкомасштабных раскопках, в связи с небольшим бюджетом экспедиции, не могло быть и речи, то главная задача экспедиции состояла в том, чтобы с помощью заложенных шурфов обнаружить нетронутый культурный слой античного времени и фундаменты стен того же периода, тем самым убедительно доказав правильность предположения Э.Р.Штерна о том, что античная Тира находилась именно в районе Аккермана. Поскольку при этом требовалось не разрушать новых построек, то наиболее оптимальным местом для проведения раскопок ученому представлялась территория самой крепости [14, с. 93].

Раскопки продолжались с 1 по 11 августа 1912 г., с перерывом на два дня [17, с. 85]. Как писал Э.Р.Штерн шансов при столь кратковременных работах достичь главной цели раскопок – найти непо потревоженный культурный слой античного времени, особенно учитывая сильную переотложенность грунта, было немного, но он все же решил попытаться счастья [14, с. 93-94]. В раскопках этого года самое деятельное участие принимал ученик Э.Р.Штерна М.Ф.Болтенко, который к тому времени уже закончил Новороссийский университет в Одессе и самостоятельно вел полевой дневник экспедиции [17, с. 85]. Во время отъездов учителя в Одессу, М.Ф.Болтенко руководил полевыми работами и фиксировал результаты раскопок [17, с. 85].

Следует упомянуть, что условия для проживания сотрудников археологической экспедиции были не самыми лучшими. Вот как их описывал сам автор раскопок: «Надо отметить, что условия для жизни и работы в Аккермане весьма тяжелые. Куда приятнее производить раскопки на необитаемом острове Березани или где-либо в глухой деревне. Гостиница, которая лет семь тому назад была довольно чиста и прилична, отличалась теперь неимоверной грязью и вонью; под нашими номерами – самыми лучшими и дорогими – пьяная компания играла до двух часов ночи в бильярд и орала, в садике рядом до того же позднего времени шумел и шипел граммофон. В 5 часов утра напротив начинали работать в кузнице а днем во время перерыва работы от 12 до 2 часов от отдыха думать также было нельзя, потому что под окнами гостиницы автобусы, отправляющиеся в Будаки и т.д. созывали своими гудками пассажиров. А во время работы в крепости прохода не было от толпы празднующихся мальчуганов, которые все добытые из земли предметы трогали руками и которых все время приходилось удерживать и обуздывать...» [14, с. 94].

Раскоп №1 был заложен Э.Р.Штерном на территории средневекового портового двора, справа от водяных ворот (Рис. 2, № 12). Он представлял из себя траншею шириной в 5 аршинов и 5 вершков (3,8 м) и длиной в 12 аршинов, 8 вершков (8.88 м) [14, с. 94-95].

В верхнем слое преобладали находки турецкого периода - обломки трубок и грубой керамики. На глубине 0,70 м зафиксировали вымостку из каменных плит правильной и неправильной прямоугольных форм. Под ними шел слой с немногочисленными разновременными фрагментарными находками, что объяснялось неоднократным перекапыванием участка. Из находок античного времени были встречены три фрагмента чернолаковой посуды V в. до н.э., ручка чернолакового килика, фрагмент краснолакового сосуда римского времени, а также «металлический многогранник» (разновес?) [14, с. 95; 17, с. 85-86].

При дальнейшем углублении рабочим пришлось разобрать завал из крупных камней, под которым оказался фундамент кладки из больших обработанных известняковых плит. Раскрытая часть фундаментного ряда составляла прямой угол. Материала между сторонами этого угла было найдено немного, в основном он представлял собой фрагменты поливной посуды византийского времени. Наиболее интересной находкой был фрагмент византийского сосуда с вензелем X/M. [14, с. 95; 17, с. 86]

До материка исследователю дойти в этом месте не удалось, поскольку на глубине около 3 м, там где все еще встречались находки XIV-XVI веков, на дне раскопа начали проступать грунтовые воды. Э.Р.Штерн пришел к выводу, что насыпь в этом месте относится именно к указанному периоду. Немногочисленные же античные предметы попали в нее случайно, скорее всего, вследствие многочисленных переотложений грунта, что, по мнению исследователя могло произойти после прихода сюда турков-османов в 1484 г [14, с. 96; 37, с. 28]. В те времена еще не было возможности объяснить подзатопление нижних горизонтов грунта.

¹ Согласно Э.Р.Штерну, на фигурном сосуде несомненно изображена девушка [36, с. 190], по мнению П.О.Карышковского и И.Б.Клеймана – юноша [16, с. 23].

Сейчас установлено, что это результат общего подъема уровня Черного моря (трансгрессия), а также и Днестра, разлившегося в Днестровский лиман [17, с. 86].

Практически точно такую же картину, что показал раскоп № 1 дал и раскоп №2 (Рис. 2, № 13). Он был заложен в 10,6 метрах на запад от первого, где находился небольшой холм, который и привлек внимание Э.Р.Штерна. Ширина раскопа составляла 2,8 метров, длина около 3 метров, глубина до материка 4 метра.

Вещественный материал, точно так же представлял собой смесь керамики турецкого времени с более ранней «в византийском стиле» как писал Э.Р.Штерн, т.е. поливной керамики XIII-XIV вв. Но, тем не менее, кроме этого, в перемешанном слое были найдены два фрагмента чернолаковой аттической керамики V в. до н.э., а также две римские монеты. Одна императорская, времен Марка Аврелия (161-180), датирующаяся 171 г. н.э., вторая херсонесская I в. н.э. [14, с. 96-97]. Ближе к материка количество находок сократилось, но вплоть до скальной породы их мешанный характер не изменился. [14, с. 97].

Столь широкие хронологические рамки встреченного вещественного материала объяснялись многочисленными перекопами, связанными со средневековым строительством на этой территории и разрушившими культурный слой античного времени. В обоих раскопах нетронутый античный слой так и не был обнаружен.

После завершения работ на этих раскопах Э.Р.Штерн заложил еще один - во втором дворе крепости, на север от левой передней башни цитадели, возле стены (Рис. 2, № 14). Раскоп представлял собой траншею размером около 40 кв. м. [14, с. 98; 17, с. 86].

Стратиграфически сверху залегал слой «черной земли» (гумусный) «времени русского владычества» т.е. после присоединения Аккермана к Российской империи. В нем был открыт фрагмент небрежно сложенного фундамента от «незначительной постройки» новейшего времени, немногочисленные обломки керамической посуды, на самой границе с более нижним слоем - куски разорвавшихся гранат [14, с. 98; 17, с. 86].

В залегавшем ниже слое была обнаружена кладка из больших плит (кладка «А» на плане раскопа № 14), относившаяся к турецкому времени. Перпендикулярно к фундаменту этой стены был раскрыт фрагмент вымостки из ровно отесанных плит (кладка «В» на плане раскопа №14). На стыке этих двух объектов был обнаружен турецкий пифоидный сосуд (схожий с сосудом из раскопок 1900 года и с обнаруженным кладовщиками при раскопках 1904 года) [14, с. 98].

От выложенной камнями вымостки вела вниз лестница. Она состояла из ступеней сложенных из отесанных плит, шириной - 1,06 м, высотой - 26 см. После пяти ступенек начиналась глиняная утрамбованная площадка и слева от нее лестница поворачивала, образуя еще семь ступеней. Лестница была раскрыта на глубину 3,1 м. Дальнейшие работы Э.Р.Штерн вынужден был остановить, т.к время отведенное ему Обществом на раскопки подходило к концу [14, с. 98].

При раскопках пространства между стенами, которые окружали лестницу, были обнаружены находки турецкого периода (чугунные ядра, лезвия ножей, две монеты Сулеймана II (1687-1691), и т.д.) [14, с. 98-99].

На одном уровне с вымосткой «В» Э.Р.Штерн раскрыл кладку из мелких камней, сложенную насухо, возле которой также были обнаружены находки относящиеся к турецкому времени. Глубже шли фрагменты венецианского стекла, обломки сосудов из «персидского фаянса» и монета господаря Молдавии Петра (1375-1391). Причем слои сменяли друг друга последовательно: за сероглинистым слоем турецкого периода шел светлоглинистый слой с остатками кладки более раннего времени, что дало Э.Р.Штерну основание предположить, что эта постройка относилась к молдавскому периоду существования крепости [14, с. 99].

В ходе раскрытия площади около кладки «А» ниже пифоидного турецкого сосуда были найдены в большом количестве осколки венецианского стекла, ниже шел слой содержащий немногочисленный археологический материал, а с глубины 1,95 м под кладкой «А» зафиксировали хорошей сохранности кладку из небольших камней. Ниже кладки «А» по направлению к двору крепости сначала был прослежен слой византийского периода, в котором встречались находки более раннего времени, в том числе фрагмент краснолакового блюда со штампованным орнаментом. И наконец далее, с глубины 2,6 м. от дневной поверхности, был зафиксирован слой светлого песка, в котором были обнаружены находки исключительно античного периода. В верхней части слоя находились фрагменты краснолаковой и сероглиняной посуды первых веков нашей эры, много обломков черепицы (красно - и желтоглинистой), обломок горла амфоры с венчиком покрытым красной краской, а ниже находились обломки посуды более раннего времени: три обломка мегарских чаш, фрагменты чернолаковых блюд и киликов, два краснофигурных фрагмента - один от аттического сосуда, второй - по мнению Э.Р.Штерна, от ионийского изделия, а также обломок ионийской чаши «с черными ободками» [14, с. 100].

Таким образом, именно здесь Э.Р.Штерном был впервые обнаружен на территории Аккермана нетронутый культурный слой античного времени. Причем в нем, последовательно, сначала шли фрагменты керамики римского а затем греческого периодов существования города [14, с. 100].

На глубине 3,9 м. от дневной поверхности Э.Р.Штерном был открыт каменный настил. После снятия двух плит настила за ними обнаружилось еще две плиты. Поскольку поднять их на поверхность было технически сложно, время экспедиции подходило к концу, и главная цель полевого сезона - обнаружение нетронутого античного слоя - была достигнута, то работы на этом месте решено было прекратить [14, с. 100].

С левой стороны от кладки «А» также удалось дойти до слоя светлого песка, на этот раз он был раскопан до материка. На глубине 4,7 метров, на уровне материковой скалы, было обнаружено *in situ* основание хорошей сохранности кладки, сложенной из тщательно отесанных камней. От нее сохранилось 3

ряда кладки общей высотой от материка 1,33 м, каждый ряд камней толщиной около – 35 см. Кладка была античного времени, керамики возле стены обнаружено не было, но зато найдены монеты – одна ольвийская V в. до н.э., две тирские III в. до н.э. и выше, примерно за 70 см до стены – еще одна тирская монета, времен императора Коммода (180-192 г. н.э.). Здесь также были найдены фрагменты античной черепицы и керамической водосточной трубы [14, с. 100; 16, с. 22; 29, с. 17].

Таким образом, в ходе раскопок 1912 года Э.Р.Штерну удалось окончательно установить, что во внутреннем дворе Аккерманской крепости сохранился непо потревоженный культурный слой античного времени, в котором, на материковой скале, были обнаружены остатки кладок древней Тире. Это поставило точку в спорах относительно местоположения данного античного центра и позволило предполагать успешное продолжение археологических исследований этого памятника в устье Днестра в будущем.

Подводя итоги своим исследованиям в Тире Э.Р.Штерн констатировал, что это был автономный греческий полис, причем со времен организации поселения и вплоть «до заката римского владычества» [38, с. 172-173; 16, с. 23].

Э.Р.Штерн отметил также наличие неподалеку от Тире курганного некрополя. Его наличие привело ученого к выводу о существовании в городе богатых и влиятельных семей. А многочисленные фрагменты амфор и другие находки античного времени на побережье лимана - от моря до нижнего течения Днестра - позволили исследователю обосновать мысль о существовании возле города довольно обширной хоры [38, с. 173-174; 16, с. 23].

Таким образом, исследования проведенные Э.Р.Штерном на территории Аккермана в 1900, 1903 и 1912 годах, несмотря на их небольшой объем, принесли ощутимые научные результаты. Это были самые первые археологические раскопки Тире, и они не только дали интересный вещественный материал разных периодов существования Тире-Аккермана, но и, что наиболее важно, окончательно подтвердили местоположение этого античного полиса а также доказали существование на его территории нетронутого культурного слоя античного времени.

Говоря об исследованиях Тире Э.Р. фон Штерном В.П.Ванчуггов подчеркивал высокий для того времени характер их проведения: «вчитываясь в отчеты Э.Р.Штерна, обращает на себя внимание тщательная фиксация автором сменяющихся грунтовых напластований, границ пластов, сопровождающих находок, хотя согласно действующей тогда общепринятой методике, раскопки проводились шурфами» [32, с. 10].

Несмотря на то, что раскопки продолжались только месяц, их результаты, как подчеркивалось в литературе, нельзя недооценивать [16, с. 21].

В результате полевых исследований Тире Э.Р.Штерн сделал ряд важных археологических открытий. Еще после первого экспедиционного сезона он пришел к выводу о том, что: «Офиусса-Тирас-Белгород-Аккерман был непрерывно заселенным местом со времени милетян до наших дней» [12, с. 61 ; 32, с. 10]. После полевого сезона 1912 года впервые был: «в районе Аккерманской крепости найден нетронутый слой античной культуры, причем последовательно сначала с 100 и шири черепки римского времени, а затем на полсажени¹ глубже – черепки греческого периода» [14, с. 100; 32, с. 10].

Благодаря проведенным раскопкам Э.Р.Штерн смог предположительно определить топографию Тире-Аккермана, открыть античный некрополь, установить многослойность этого весьма важного и интересного памятника и определить его стратиграфию [16, с. 23; 29, с. 18]. Будучи профессиональным филологом-классиком, Э.Р.Штерн пересмотрел так же письменную традицию касающуюся Тире, и показал всю несостоятельность домыслов о периодическом переносе этого города с места на место, убедительно аргументировал свое мнение о том, что Офиусса – это древнее название Тире [12, с. 55-60; 29, с. 18]. Он недвусмысленно высказался в пользу того, что «тириты» Геродота не являлись гражданами Тире в полном смысле этого слова, но были жителями «хуторов и ферм» разбросанных «по всей береговой полосе» [12, с. 54; 16, с. 23].

Подводя итог своих хотя и не столь широких по объему, но весьма результативных исследований в Тире, Э.Р.Штерн писал: «В конце концов настанет и у нас время, когда по выполнению более важных и привлекательных задач возьмутся и за Аккерман. Настоящие раскопки должны быть рассматриваемы как подготовительная работа для этого будущего времени... Их цель была только исследовать, возможно ли в районе крепости установить присутствие сплошного, нетронутого слоя античной культуры.... Эта цель.... была достигнута... Дело будущего использовать этот ответ и на основании достигнутых скромных результатов продолжать изучение Аккермана в давно прошедших периодах его существования» [14, с. 101].

За годы исследования Тире Э.Р.Штерном был получен многочисленный и разнообразный археологический материал. Находки из раскопок Тире, значительная часть которых в силу своей ценности имела экспозиционный характер, были переданы Э.Р.Штерном в музей Одесского Общества истории и древностей. Они и поныне входят в состав фондов Одесского археологического музея, а многие из них составляют одну из лучших частей его современной экспозиции. Помимо античных материалов, из раскопок в Аккермане 1903-1904, 1912 годов Э.Р.Штерном была получена и передана в музей Общества ценная коллекция средневековой керамики и другие находки этого времени [39, с. 34-37].

Как отмечала Т.Л.Самойлова в своей работе посвященной формированию фондов Одесского археологического музея: «Именно Э.Р. фон Штерном было положено начало коллекции античной Тире и средневекового Белгорода в музее ООИД» [40, с. 28].

¹ 1.06 м.

Предвидение же Э.Р.Штерна в отношении перспектив исследования Тирь полностью сбылось: раскопки Тирь-Аккермана впоследствии были продолжены. В последующее время, пока территория Бессарабии пребывала в составе Румынии, раскопки там проводили румынские археологи П.Никореску (один из учеников Э.Р.Штерна) и Г.Авакиан. Ими были открыты часть оборонительной стены античного времени а также остатки античных и средневековых жилых построек города [41; 42; 29].

Во второй половине XX века Тирь-Аккерман исследовали Измаильская, Белгород-Днестровская и Тирская экспедиции Института археологии АН УССР под руководством Л.Д.Дмитрова (1945-1953 гг.) и А.И.Фурманской (1953-1963), а позже, в 60-80 гг XX в. раскопки здесь проводились совместно сотрудниками ИА АН УССР и Одесского археологического музея, а именно - С.Д.Крыжицким, И.Б.Клейманом, А.А.Кравченко, Т.Л.Самойловой и Н.А.Сон [29, с. 20-21].

С 1996 года археологическое исследование Тирь проводится Белгород-Тирской экспедицией ИА НАН Украины под руководством Т.Л.Самойловой [43, с. 123]. За это время благодаря проведению систематических раскопок широкими площадями (Центральный квартал) были получены значительные научные результаты. В первую очередь следует отметить открытие фрагментов системы оборонительных сооружений (куртины, круглая башня) конца V-IV вв. до н.э. В римское время часть этой системы использовалась для размещения римского гарнизона, в ее центре было возведено здание вексильции. Исследовались также сохранившиеся остатки улиц, жилые и хозяйственные постройки от эллинистического до позднеантичного периода включительно, а также более поздние средневековые и раннемодерные объекты.

В ходе многолетних и планомерных раскопок Тирь получен многочисленный, разнообразный и весьма важный в научном отношении вещественный материал, в том числе, такие ныне широко известные находки, как рельеф с изображением мойр, статуэтка воина, герма Диониса [29, с. 20]. Результаты раскопок античной Тирь и средневекового Белгорода были обобщены в ряде важных монографических работ [16; 44; 27; 22; 45]. Новейшие исследования этого уникального памятника регулярно освещаются в многочисленных статьях и публикациях [см. например: 43, с. 120-130; 46, с. 216-219; 37, с. 28-34; 47, с. 380-384]. Среди них особо следует отметить появление коллективного исследования украинских и румынских ученых – «Tiras Cetatea Albă/Belhorod-Dnistro's'kuj» (2002), а также выход в 2010 году сборника: «Тирь-Белгород-Аккерман. (материалы исследований)» [48], подготовленного к печати отечественными исследователями.

Таким образом, научное изучение Тирь, начатое Э.Р. фон Штерном в начале прошлого столетия, успешно продолжается и поныне, а за его именем в нашей науке заслуженно утвердилась слава первого исследователя этого уникального памятника.

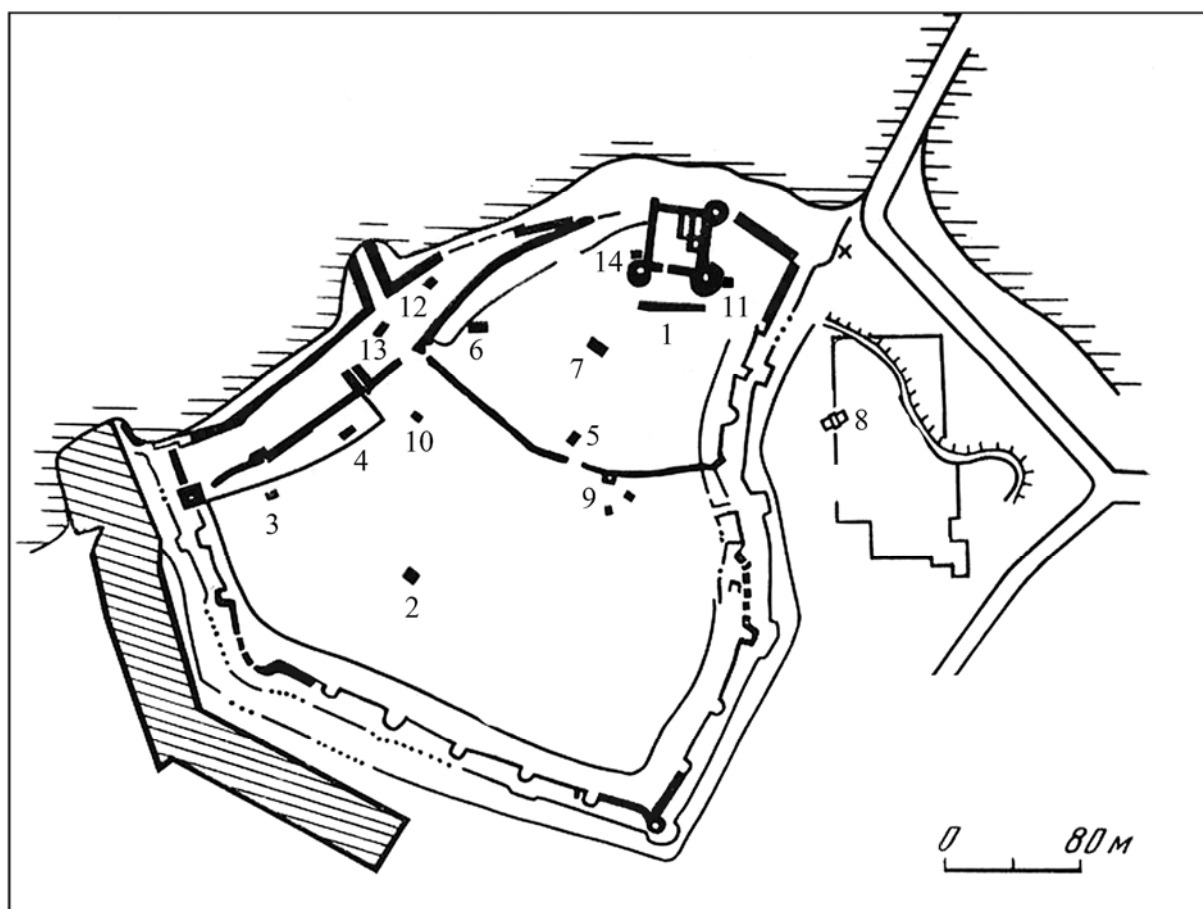

Рис. 2. План Белгород-Днестровской крепости.
Цифрами отмечены участки, исследованные Э. Р. Штерном

Источники и литература

1. Платонова Н. И. История археологической мысли в России: вторая половина XIX–первая треть XX века / Н. И. Платонова. – СПб., 2010. – 316 с.
2. Клейн Л.С. История археологической мысли / Л.С. Клейн. Тт. I–II. СПб., 2011. – Т. I – 688 с., Т. II – 626 с.
3. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.) / И. В. Тункина. – СПб., 2002. – 676 с.
4. Сапожников И.В. Очерки истории исследований Ольвии и Березани: до начала XIX ст. от Р.Х. / И. В. Сапожников // *Stratum plus*. – 2001-2002. – №3. – С. 452-461.
5. Зубарь В.М. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округа (1914-2005 гг.) / В. М. Зубарь // МАИЭТ. – Suppl. Вып.6. – Симферополь, 2009. – 492 с.
6. Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. / И. Л. Тихонов. – СПб.: СПбГУ, 2003. – 328 с.
7. Білас Н. М. Археологічна наука у Львівському університеті (друга половина XIX – 30-ті роки XX ст.) / Н. М. Білас. – автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.04. – К., 2004. – 16 с.
8. Баукова А.Ю. Науково-дослідна діяльність Керченського історико-археологічного музею (1922-1988 рр.): археологічний аспект / А. Ю. Баукова. – автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.04. – К., 2008. – 20 с.
9. Пивоваров С.В. Розвиток археологічної науки в Чернівецькому університеті (друга половина XIX ст. – 2004 р.) / С. В. Пивоваров // *Vita Antiqua*. – 2009. - №7-8. – С. 34-37.
10. Охотников С.Б. Археология в Одессе / С. Б. Охотников. – Одесса, 2010. – 160 с.
11. Ситник О. Археологічна наука у Львові: перша половина XX століття / О. Ситник. – Львів, 2012. – 366 с.
12. Штерн Э.Р. О последних раскопках в Аккермане / Э. Р. Штерн // ЗООИД. – Т.23. Одесса, 1901. – С. 33-61
13. Штерн Э.Р. Экскурсия в Аккерман / Э. Р. Штерн // ЗООИД. – Т.26. – Одесса, 1906. – С. 87-90.
14. Штерн Э.Р. Раскопки в Аккермане летом 1912 г. / Э. Р. Штерн // ЗООИД. – Т.31. – Одесса, 1913. Протоколы 419 заседания. – С. 92-101.
15. Пругло В.И. Тира, Никоний и поселения Нижнего Поднестровья и Подунавья / В. И. Пругло // АГСП. – М., 1984. – С. 26-32.
16. Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира / П. О. Карышковский, И. Б. Клейман. – К., 1985. – 160 с.
17. Клейман И.Б. В начале славных дел...: (М. Ф. Болтенко и раскопки в Аккермане в 1912 г.) / И. Б. Клейман // *Stratum plus*. – №3. – 2000. – С. 85-87.
18. Дмитров Л.Д. Тира / Л. Д. Дмитров // Нариси стародавньої історії Української РСР. – К., 1957. – С. 270-276.
19. Фурманская А.И. Антический город Тира / А. И. Фурманская // Антический город. – М., 1963. – С. 40-50.
20. Фурманська А.І., Лапін В.В. Тира / А. І. Фурманська, В. В. Лапін // Археологія Української РСР. – Т.2. – К., 1971 – С. 311-320.
21. Сон Н.А. Тира / Н. А. Сон // Археология Украинской ССР. – Т.2. – К., 1986. – С. 330-337.
22. Сон Н.А. Тира римского времени / Н. А. Сон. – К., 1993. – 156 с.
23. Зубарь В.М., Сон Н.А. Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху / В. М. Зубарь, Н. А. Сон // МАИЭТ. – Suppl. Вып.3. – Симферополь. 2007. – 240 с.
24. Крижицький С.Д. Античні держави Північного Причорномор'я / С. Д. Крижицький, В. М. Зубар, А. С. Русяева. – К., 1998. – 352 с.
25. Крижицький С.Д. Античні держави Північного Причорномор'я / С. Д. Крижицький // Давня історія України. Кн.1. – К., 1994. – С. 157-235.
26. Karyshkovskij P. O. The City of Tyras. A Historical and Archaeological Essay / P. O. Karyshkovskij, I. V. Klejman. – 1994. – 398 p.
27. Самойлова Т.Л. Тира в VI-I вв. до н.э. / Т. Л. Самойлова. – К., 1988. – 123 с.
28. Самойлова Т.Л. Античная Тира / Т. Л. Самойлова. – Николаев, 1997. – 24 с.
29. Самойлова Т.Л. История изучения античной Тире и средневекового Белгорода / Т. Л. Самойлова // *Tyras Cetatea Albă/Belhorod-Dnistros'kyj I. – Buharesti*, 2002. – с. 13-27.
30. Самойлова Т.Л. Исследования последних лет античной Тире и проблемы ее изучения / Т. Л. Самойлова // *PONTIKA*–2006. – Krakow, 2008. – С. 161-174.
31. Ванчугов В.П. Одесское общество истории и древностей на рубеже XIX-XX вв. и Э.Р.Штерн / В. П. Ванчугов // 150 лет Одесскому обществу истории и древностей (1839-1989). Тез. докл. конф. – Одесса, 1989. – С. 24-27.
32. Ванчугов В.П. Э.Р. фон Штерн и археология Северного Причерноморья на рубеже XIX-XX веков. / В. П. Ванчугов // *BORYSTHENIKA*. – 2004. Матер. науч. конф. – Николаев, 2004. – С. 7-13.
33. Клейман И.Б. Первые исследователи Тире: Эрнст Романович Штерн и Пауль Никореску / И.Б. Клейман // Аккерманские древности. Вып.1. – Белгород-Днестровский. – 1997. – С. 256-269.
34. Кочубинский А.А., Штерн Э.Р. О поездке в Аккерман для исследования там открытой гробницы / А. А. Кочубинский, Э. Р. Штерн // ЗООИД. – Т.19. Одесса, 1896. – Протокол 290 заседания. – С. 13-16.
35. Буйських С.Б. Невідома праця А.Фогеля про Ольвію / С. Б. Буйських // Археологія. – 1994. – №4. – С. 152-154.
36. Штерн Э.Р. Бронзовый сосуд в форме бюста / Э. Р. Штерн // ЗООИД. – Т.26. – Одесса, 1906. – С. 183-190.
37. Беляева С.А. Планировочная структура нижнего двора Белгород-Днестровской крепости / С. А. Беляева, Е. Е. Фиалко // БЧ. – Вып.XIII. – Керчь. – 2012. – С. 28-34.
38. Stern E. Die politische und soziale Struktur der Griechenkolonien am Nordufer des Schwarzmeeergebietes / E. Stern // *Hermes*. – 1915. – Bd. 50. – S. 161-224.
39. Кравченко А.А. Формирование средневековой коллекции музея Одесского археологического музея / А. А. Кравченко // 150 лет Одесскому обществу истории и древностей (1839-1989). Тез. докл. конф. – Одесса, 1989. – С. 34-37.
40. Самойлова Т.Л. Формирование фондов Одесского археологического музея //150 лет Одесскому обществу истории и древностей (1839-1989). Тез. докл. конф. / Т. Л. Самойлова. – Одесса, 1989. – С. 27-29.
41. Nicorescu P. Scavi e scoperte a Tyras / P. Nicorescu // *Ephemeris Dacoromana*. – 1924. –Vol.2. – P. 378-415.
42. Avakian G. Săpăturile de la Cetatea-Alba / G. Avakian // *Anuarul Comisiunii monumentelor istorice*. – 1931. – №3. – P. 47-104.
43. Самойлова Т.Л. Основні підсумки робіт на пам'ятці Тира-Білгород і подальші перспективи дослідження / Т. Л. Самойлова // Археологічні дослідження Львівського університету. – 2007. – Вип.10. – С. 120-130.
44. Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII-XIV век) / А. А. Кравченко. – К., 1986. – 127 с.
45. Şlapac M. Cetatea Alba: Studiu de arhitectură medievală militară / Mariana Şlapac. – Chişinău, 1998. – 212 p.
46. Самойлова Т.Л., Остапенко П.В., Савельев О.К. Новейшие открытия в античной Тире / Т. Л. Самойлова, П. В. Остапенко, О. К. Савельев // СΥΜΒΟΛΑ. Вып.1. – Москва-Киев, 2010. – С. 216-219.

47. Самойлова Т.Л. Основание Тира и ее место в системе греческих полисов Северо-Западного Причерноморья / Т. Л. Самойлова // Боспорские чтения. – Вып. XIII. – Керчь. – 2012. – С. 380-384.
48. Тира-Белгород-Аккерман. (материалы исследований). – Одесса, 2010. – 188 с.

Список сокращений:

АГСП - Античные города Северного Причерноморья
БЧ – Боспорские чтения
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет.

Кузьмищев О. Г. Е. Р. фон Штерн – перший дослідник античної Тіри

У статті аналізуються результати археологічних досліджень античної Тіри (1900, 1903, 1912), проведені відомим вченим антикознавцем кінця XIX – початку XX ст. Е. Р. фон Штерном (1859-1924 рр). Розкопки Е.Р.Штерна в Тірі, не дивлячись на їх невеликий обсяг, принесли важливі наукові результати. Це були найперші археологічні дослідження цього пам'ятника. Завдяки розкопкам Е.Р.Штерн зміг у загальних рисах визначити топографію Тіри-Аккермана і її античного некрополя, виявив багатоманітність цього пам'ятника та встановив його стратиграфію, одержав велику кількість різноманітних знахідок. Підводячи підсумки своїх досліджень Тіри, Е.Р.Штерн дійшов висновку, що Тіра була організованим грецьким полісом, в який окрім міста входила ще і велика хора.

Ключові слова: археологічне дослідження, антична Тіра, Е. Р. фон Штерн, грецький поліс.

Kuzmischev A.G. E. R. von Stern (1859 - 1924) – the first researcher of the ancient Tyras

The article is focused on the results of archaeological excavations, conducted in the territory of the ancient Tyras in 1900, 1903 and 1912 by the well-known researcher of antiquity of the end of XIX - the beginning of XX century – Ernst R. von Stern. He was the first archaeologist, who carried out regular, though modest research of this ancient city, received numerous different archaeological findings and results of his pioneering excavations are important in our times too. During his work in Tyras E. von Stern had come to conclusion, that this city was traditionally organized Greek polis, which included not only the city itself, but also vast chora around it.

Keywords: archaeological research, ancient Thira, E. R. von Stern, greek polis.

УДК 398.43

О. М. Романова

НАРОДНІ УЯВЛЕННЯ ПРО ЛІСОВУ РУСАЛКУ

У статті робиться спроба проаналізувати народні уявлення щодо походження, локації, зовнішності, характеру міфологічного персонажу. На підставі етнографічних джерел другої половини XIX – поч. XX століття автор статті намагається окреслити образ лісової русалки, простежити час її перебування на суші, звернути увагу на захисну силу обрядів, молитов, оберегів, які застосовувалися при зустрічі з нечистою силою.

Ключові слова: демонологія, русалки, мавки, душі померлих, обереги.

Нижча демонологія, уявлення про міфічних істот лісу впродовж другої половини XIX – поч. XX століття привертала увагу дослідників. Інтерес до вивчення цієї проблематики виявився як у сфері діяльності збирачів етнографічних матеріалів, так і в перших спробах внесення цих даних у міфологічні дослідження і в наукові розшуки про слов'янські старовини. Поширення етнографічної діяльності супроводжувалося великим інтересом до історії народу. Сьогодні, використовуючи праці Д.К. Зеленина, наукові дослідження В.М. Гнатюка, П.П. Чубинського, Б.Д. Грінченка, В.П. Милорадовича, П.В. Шейна, С.В. Максимова, Д.Г. Булгаковського, Л.Н. Виноградової, маємо змогу долучитися до міфічного минулого східнослов'янського народу. Велику цінність у дослідженні демонології лісової стихії являють собою етнографічні журнали – “Этнографическое обозрение”, “Живая старина” та “Киевская старина”.

Серед праць, опублікованих на сторінках “Живой старины”, слід відзначити роботи В.Т. Боцяновського “Заговори против болезней, разные поверья и приметы” [1], Д.К. Зеленина “К вопросу о русалках” [2]. Ці статті містять цінні відомості про демонічних істот тих часів. У журналі “Этнографическое обозрение” особливу увагу привертають статті А.Колчина “Верования крестьян Тульской губ.” [3], Є.О. Ляцького “Представление белоруса о нечистой силе” [4]. В “Киевской старине” слід віддати належне статті В.П. Мілардовича “Заметки о малорусской демонологии” [5], Г. Барвінок “Русалка” [6].

Завдання пропонованої статті полягає в розкритті образу лісової русалки, її зовнішності, характеру, з'ясування питання про строки перебування цього демонологічного персонажу на суші. Окремо виноситься питання щодо захисної дію обрядів, сули оберегів, віри в заговори.

Традиційні міфологічні уявлення східнослов'янських народів досить різноманітні за своєю природою. За народним повір'ям, усе довкілля, усі стихії та явища є в живих образах і мають безпосередній вплив на долю людини. Згідно з уявленнями у руках надістот перебувало щастя і горе людини, одним словом, її життя. Люди здавна вірили в добрих та злих духів, поклонялися їм, приносили жертви, іноді їх боялись,